За закрытыми веками глаза молодого человека беспокойно двигались. Вероятно, видит сон, решила Элизабет Винтон-де Куерос, осторожно поправляя одеяло на ключице.

Почти наверняка кошмар.

Она подняла глаза от израненного лица к повязке, обернутой вокруг его черепа. Он был одним из раненых Дамокла, одним из тех, кто попал во взрыв, когда взорвалась верхняя пусковая установка, посылая смертоносную шрапнель, скачущую в трех проходах. Космонавт третьего класса Белгранд поймал то, что, как предполагали доктора, было частью консоли монитора, в грудь и голову.

При этом ему еще повезло. Пятеро его товарищей-космонавтов также были ранены, двое из них хуже него. Трое других были убиты на месте.

Убиты на месте. Как каждый на борту Феникса и Сфинса, Джемини, Горгоны и Геркулеса.

Включая ее племянника Ричарда.

Лицо Белгранда расплылось, когда в глазах Элизабет появились слезы. За слезами пришло воспоминание: четыре года назад, сразу после смерти ее любимого мужа Кармайкла, она сидела рядом с Ричардом во дворце после отречения ее отца Майкла. Ричарду тогда было всего восемнадцать, но он удивил ее глубиной сострадания, понимания и мудрости. Она помнила, что даже при всем своем горе она заметила его зрелость и предвидела величие, которое он когда-нибудь принесет на престол.

Теперь этот день никогда не придет.

Она сморгнула слезы. Горе было на своем месте, но Ричарду уже не помочь. Других мужчин и женщин в палате не было, и пришло время сосредоточить все свое внимание на том, что принесет пользу.

Последний раз взглянув на Белграна, она тихо выскользнула из его комнаты и пошла по коридору мимо других тихих комнат и тихого разговора врачей и медсестер. Ее визиты к физически раненным носили в основном символический характер - сестра короля, раздача одеял и все такое. Ее настоящая работа была с психически и эмоционально ранеными, теми, кого эти несколько часов ада оставили с невидимыми, но в равной степени изнурительными шрамами.

У нее оставалось двадцать минут до первого визита, достаточно времени, чтобы просмотреть свои записи и подготовить свой ум. Недалеко от комнаты для консультаций была небольшая гостиная, которая обычно не была занята в этот час, и она направилась к ней, молча кивая, приветствуя горстку медицинского персонала, мимо которого она проходила по пути.

Первая подсказка о том, что гостиная была не пустой появилась, когда она завернула за угол и увидела двух мужчин, небрежно стоящих за дверью. Больших мужчин. Бдительных мужчин. Вооруженных мужчин.

Она хотела просто повернуться и уйти. Ее брат беспокоился о ней в течение последних двух месяцев - тихо и незаметно, но беспокоился - и она не была в настроении услышать одну из его вдохновляющих речей о том, как ей нужно улучшить свою жизнь. Кроме того, у нее была важная работа.

Но она продолжала идти, смешивая покорность с раздражением. В самом деле, если король

хотел говорить с ней, она мало что могла сделать с этим.

Только когда она подошла достаточно близко, чтобы различать лица мужчин, она поняла, что это не телохранители Эдварда. Фактически...

Она немного ускорила шаги. Из всех людей в королевском дворце, с которыми она действительно хотела поговорить...

Наследная принцесса Софи сидела на одном из диванов, с ногами, подвернутыми под себя, ее локоть лежал на спинке дивана, голова покоилась на руке, ее глаза были обращены к окну и сверкающей на солнце вдали воде залива Язона. Хотя ее лица не было видно, в языке ее тела было достаточно боли и депрессии, чтобы Элизабет вздрогнула.

"Привет, Софи," - сказала она своей племяннице. "Что привело тебя сюда этим утром?"

"Привет, тетя Элизабет," - сказала Софи, не повернувшись. "Я не знаю. Мне просто нужно было на время уйти из дворца."

"А," - сказала Элизабет, садясь на диван около нее. Девочка все еще не повернулась. "Слишком много воспоминаний?"

"Слишком много разбитых людей," - сказала Софи. "Мама и папа... они пытаются не показывать это. Но это видно. Это видно во всем, что они говорят и делают."

"И во всем, что они не говорят?"

Плечи Софи сгорбились. "Это самое худшее. Вы знаете? Что они не говорят. Это как... им больно, но они не могут этого показать. Даже мне. Даже друг другу."

"Он король," - напомнила ей Элизабет. "Он вероятно думает, что должен быть сильным."

"Я знаю," - сказала Софи. "Это и ранит меня."

"Почему?"

Софи выдохнула с продолжительным усталым звуком. "Потому что когда-нибудь это буду я," - сказала она так тихо, что Элизабет еле услышала. "И я не думаю, что смогу это сделать." Она обернулась.

Это было все, что могла сделать Элизабет, чтобы держать свое лицо под контролем. Она ожидала опухших глаз, заплаканных щек и всех остальных последствий хорошего, долгого, горького плача.

Вместо этого она увидела лицо, которое было твердым и холодным, и с которого были выжжены все эмоции. "Софи?" - осторожно спросила она.

"Понимаете?" Горло Софи задрожало, единственный признак того, что что-то происходило за жестким внешним видом. "Я пытаюсь - я действительно пытаюсь. И вот что я получаю. Это или..." Она замолчала. "Как он это делает, тетя Элизабет? Как он делает вид, что все в порядке. Как он улыбается?"

"Я не знаю," - призналась Элизабет. "Но ты не должна это делать. Ты не он, Софи. Ты не должна быть им."

"Нет, я только должна быть наследной принцессой." Софи закрыла глаза и на короткое время некоторые из скрытых эмоций проявились наружи. "Я не хочу этого, тетя Элизабет. И никогда не хотела."

"Я знаю, дорогая," - успокоила Элизабет. Она подвинулась ближе к молодой женщине и обняла ее за плечи. "Все в порядке. Все будет в порядке."

Минуту они просто сидели в тишине, держась друг за друга, молча размышляя о своем горе. Наконец Софи пошевелилась. "Спасибо," - пробормотала она.

"Пожалуйста," - сказала Элизабет. "Для этого и нужна семья."

"По крайней мере то, что от нас осталось." Софи глубоко вздохнула.

И Элизабет увидела, как страх и депрессия исчезли с лица ее племянницы, и на смену ей пришли сила отца, его достоинство и сила воли. "Окей," - сказала молодая женщина.

"Ты готова снова быть наследной принцессой?" - спросила Элизабет.

"Я полагаю," - сказала Софи. "Ты действительно хороша в этом, тетя Элизабет. Ты должна быть в политике."

"Невозможно," - твердо сказала Элизабет. "Я буду держать руки раненых, чтобы однажды судить Дапллэйка и Брэкуотера."

"Я не обвиняю вас." Софи сморщила нос. "Я просто надеюсь, что до этого еще не дойдет, когда я взойду на трон."

"Невозможно," - сказала Элизабет. "Твой отец будет править по крайней мере тридцать лет, вероятно, больше сорока или даже пятидесяти. Нет, у тебя будет целый ряд совершенно новых проблем и совершенно новых раздражающих людей, с которыми придется иметь дело."

"Большое спасибо," - сказала Софи с легкой улыбкой. Улыбка исчезла. "Хотя я не знаю. Политика может свести с ума; но ты уверена, что эта работа тоже это не сделает?"

"То есть?" - спросила Элизабет, слыша вызов в ее голосе.

"Я просто... хорошо. Означает ли что-нибудь для вас фраза давление на синяк?"

Элизабет чувствовала, как комок формируется в ее горле.

"Я скучаю по нему, Софи," - тихо сказала она. "Скучаю по нему ужасно. Но моя работа здесь - не просто способ жалеть себя. Многие из тех, кого я консультирую, чувствуют вину за то, что выжили, а их друзья - нет. Я знаю, каково это - этот горный медведь мог бы напасть на меня вместо Кармайкла. Я могу говорить с ними на их собственном уровне, потому что я была там на их месте."

"Я знаю," - сказала Софи. "Я вижу флотских, идущих по Лэндингу, и я иногда не могу не удивляться, почему они живы, а Ричард - нет. Я просто... я не хочу, чтобы ты хоронила себя здесь, когда есть большие дела, которые ты могла бы делать."

"Сейчас это именно то, что я хочу делать."

"Окей," - сказала Софи. "Я просто... я иногда беспокоюсь о тебе."

"Как и я беспокоюсь о тебе," - сказала Элизабет. "И для этого существует семья." Она похлопала девушку по колену. "Я знаю, что сейчас ты можешь не чувствовать этого, Софи, но однажды ты станешь хорошей королевой. Я чувствую это."

"Я надеюсь." Софи состроила гримасу. "Хотя... Я не знаю. Королева Софи звучит так... по детски, мне кажется."

"Ты хочешь поменять имя? - сухо спросила Элизабет. "Мне всегда твое имя нравилась больше, чем мое."

"В самом деле?"

"В самом деле," - заверила ее Элизабет. "Софи означает мудрость. Элизабет означает, что мой отец пытался поладить со своей матерью."

"Это не так," - усмехнулась Софи. "Это значит преданная Богу. Кроме того, две королевы Элизабет? Все будут думать, что в королевском Доме Винтон закончились детские имена."

"Могло быть и хуже," - сказала Элизабет. "Я знаю братьев, которые оба женились на женщинах по имени Шерри. После этого все должны были называть их Шерри Мэтта и Шерри Марка, чтобы отличать их в разговоре. По крайней мере, у тебя будет приставка Вторая после твоего имени."

"Я приму это к сведению," - сказала Софи. "Ты знаешь что это означает, верно?"

"В нашей семье? Безусловно," - заверила ее Элизабет. "Твой отец использовал это в течение многих лет, когда я росла. Обычно, когда я хотела, чтобы он сделал для меня что-то, чего он не хотел делать."

"Могу поспорить, ты была противной маленькой сестрой."

"Ты понятия не имеешь, насколько." Элизабет глубоко вздохнула, выдохнув с шумом. "Мы делаем то, что должны, Софи. И это не всегда то, что мы хотим сделать."

"Как встать между Дапллэйком и Брэкуотером?"

Элизабет заставила себя улыбнуться. "Я приму это к сведению. До тех пор ты береги себя, хорошо? И береги своих родителях тоже. Ты единственная, кто это может."

"Я знаю." Софи изобразила собственную улыбку. "Я сделаю, что смогу."

"Ты Винтон," - напомнила ей Элизабет. "Я думаю, ты обнаружишь, что ты можешь гораздо больше, чем то, что ты думала."

"Я надеюсь, вы правы." Софи встала. "До свидания, тетя Элизабет."

"До свидания, Софи."

Она смотрела, как Софи собирает своих телохранителей и направляется к лифту, ведущему наружу.

Чувствуя вину.

Да, Винтоны были сильными. И исторически, по крайней мере, они всегда принимали вызовы своих мест власти.

Но за власть приходилось платить. Часть этой цены Софи уже видела в своем далеком будущем. От некоторой части она будет защищена, пока не сможет врасти в нее, или пока она не взойдет на трон.

Некоторые вещи, вероятно, даже не приходили ей в голову

Элизабет покачала головой. Иногда эти вещи были самыми худшими, хотя бы потому, что они возникали в самые неловкие и неожиданные моменты.

Возможно, ей следовало предупредить девушку об этом. Но это была работа Эдварда. У Элизабет было достаточно проблем с реалиями жизни своих трех приемных детей, чтобы брать на себя эту задачу дочери кого-то другого. Даже если эта дочь была ее племянницей.

Кроме того, это было в будущем. А в настоящем у нее была собственная работа. На сегодня достаточно.

Открыв свой планшет, она вывела данные своего первого клиента и начала читать.

* * *

"Вы не слушаете," - прорычал канцлер Брэкуотер в свой уни-линк. "Мне все равно, кто это одобрил: Казенестро, Дапллэйк или даже сам король Эдвард. Я хочу знать, кто, черт возьми, изначально издал этот приказ?"

Гэвин Веллакотт, барон Уинтерфолл, сидя за столом секретаря Брэкуотера во внешнем офисе, сосредоточился на своде правил, которые ему надо было изучить, и попытался игнорировать контролируемую бурю, происходящую за открытой дверью главного офиса Брэкуотера.

Бурю, которую он не мог полностью понять. Основной задачей Брэкуотера, как всегда в этих ситуациях, было раскручивание МПСС с максимальной выгодой для него. К сожалению, с точки зрения канцлера, человек, не входящий в персонал МПСС, предложил идею раздуть клинья двух корветов, чтобы имитировать тяжелые крейсеры, точно так же, как лягушка раздувается в два раза, чтобы отпугнуть хищников.

С точки зрения Уинтерфолла, не имело значения, откуда пришла идея или кто отдал приказ. Ничто из этого не уменьшало ни в малейшей степени успехов экипажей в доведении их импеллеров до такого уровня перегрузки и в поддержании дополнительной нагрузки в течение четырех часов без разрушения клина или потери какого-либо из узлов. Уинтерфолл мало что знал, чем технически кончаются подобные вещи, но он знал достаточно, чтобы признать, что это было впечатляющее достижение.

Но Брэкуотер никогда не соглашался на часть вместо целого. Для него разделенная слава была потерянной славой.

"Ну, так узнайте." С рычанием Брэкуотер выключил уни-линк. Он пронесся через дверь и резко остановился, заметив Уинтерфолла. "Что вы здесь делаете?"

Уинтерфолл удивленно моргнул. "Вы просили меня быть здесь, милорд," - сказал он. "Вы хотели получить отчет о встрече Харвича с графиней Актон…"

"Я имею в виду, что вы делаете за столом Анжелы?"

"Я просматривал правила для избирателя," - сказал Уинтерфолл. Это была правда, но не вся правда. "Я видел, что вы были заняты, и, поскольку я предполагал, что Анжела уже ушла сегодня, я подумал, что мог бы также полезно использовать свободные минуты." Он кивнул в сторону уни-линка Брэкуотера. "Если позволите, милорд, уже официально зарегистрировано, что адмирал Локателли отдал приказ Овну и Тельцу раздуть свои клинья."

"Ты пытаешься отвлечь меня, Гэвин?" - взревел Брэкуотер, его глаза сузились. "Потому что я тот, кто научил тебя, как перевести разговор туда, куда хочешь."

"Я ничего не пытаюсь, милорд," - возразил Уинтерфолл, борясь с рефлекторным уходом в защиту. Заставить противника уйти в защиту было еще одной техникой, которой научил его Брэкуотер. "Я просто немного запутался. Кто-то говорит, что Локателли не отдал приказ?"

Долгое время Брэкуотер продолжал смотреть на него. Затем его губы дернулись. "Это не тот приказ, который меня итересует," - сказал он. "Я пытаюсь выяснить, кто сказал командованию МПСС Сфинкса, чтобы они перезапустили один из наших навигационных спутников для посылки бессмысленных радиосигналов в пустоту."

"Я думал, это был программный сбой."

"Командование Сфинкса заверило меня, что изменения профиля вещания не могли произойти случайно," - сказал Брэкуотер. "Нет, кто-то должен был это приказать."

Уинтерфолл медленно кивнул. Интересный вопрос, учитывая, что все главные приказы и политические решения, касающиеся МПСС должны быть, по крайней мере, доложены Брэкуотеру.

Это было особенно интересно, зная, что круг возможных подозреваемых был почти исчезающе мал. Уинтерфолл мог думать о министре обороны Дапллэйке, первом лорде Адмиралтейства Казенестро и системном командующем Локателли. Он открыл рот, чтобы указать на это -

"Да, есть только три возможности," - прорычал Брэкуотер. "И это не был ни один из них. А если был, нарушитель конечно, не признает этого."

Нарушитель. Странный выбор слова. "Ну, какой-то техник должен был перепрограммировать спутник," - отметил Уинтерфолл. "Мы должны найти его или ее и пройти назад по цепочке."

"Можно было бы так подумать, не правда ли?" - мрачно сказал Волнорез. "Только пока этот подход не работает. Кто бы ни был этим техником, он, похоже, не склонен претендовать на свою долю славы."

"Славы?" - повторил Уинтерфолл, нахмурясь. "Дело идет о славе?"

"Конечно, нет," - отрезал Брэкуотер. "Но кто-то явно сделал это нарочно, и я предполагаю, что у этого человека была причина для этого. Только я не могу заставить никого сказать мне, какого черта это было."

"Интересно," - пробормотал Уинтерфолл. За три недели, прошедшие после Битвы при Мантикоре, он и Брэкуотер столкнулись с несколькими другими случаями информационного молчания. Обычно дело было в архивировании данных, или направлении их не тому человеку. Но, по крайней мере, однажды появилась информация, что Адмиралтейство просто не хотело

делиться этим со своей младшей кузиной МПСС. "Вы хотите, чтобы я поговорил с моими источниками?"

"Вы имеете в виду своего брата?" - фыркнул Брэкуотер. "Не задерживайте дыхание. Насколько я могу судить, он стал изгоем среди высших эшелонов. Вы видели, как они отмахивались от любого признания его вклада во время битвы. Я не знаю, почему Локателли не любит его, но это напряжение вполне заметно. Нет, я сомневаюсь, что Адмиралтейство вообще слышит его. И конечно, они не говорят ему."

"Наверное вы правы," - сказал Уинтерфолл, сохраняя нейтральный тон.

Потому, что он сделал некоторое собственное расследование и скорее пришел к другому выводу. Флот мог не говорить лейтенанту Трэвису Урии Лонгу, но они определенно говорили о нем.

Конечно не весь флот, и никогда не для записи. Но те, кто были его начальниками за последние несколько лет, тихо, но твердо положительно оценивали его службу.

В некоторых местах это шло еще дальше. Несмотря на то, что Трэвис не получил каких-либо важных наград за его действия против Тамерлана, командир Кейси ясно дал понять - официально - что выживание крейсера во время его участия в сражении во многом зависело от Трэвиса.

Компетентные офицеры не оставляли без внимания талант, когда видели его. Старшие офицеры, такие как Локателли, не враждовали с офицерами так сильно младше их. В конце концов Уинтерфолл был вынужден прийти к единственному оставшемуся заключению.

Достижения Трэвиса преуменьшались, потому что Адмиралтейство не хотело, чтобы какая-то его слава отражалась на Уинтерфолле. И, косвенно, на Брэкуотере.

По мнению Уинтерфолла, это было мелко. Даже мельче, чем теория Брэкуотера о вражде между Трэвисом и Локателли.

Это было настолько контрпродуктивно, что приводило в бешенство. В конце концов, флот и МПСС были на одной стороне, и обе силы предназначены для защиты Звездного Королевства. У них просто были разные взгляды на то, как лучше всего это сделать.

Хуже того, даже когда флот провозгласил победу, и Локателли грелся в лучах общественного признания, Адмиралтейство столкнулось с ужасным, неоспоримым фактом.

А именно, что Брэкуотер был прав.

Факты говорили сами за себя. Все три уничтоженных корабля вторжения - два из них были полноразмерными линейными крейсерами - были уничтожены легким крейсером, эсминцем и корветом МПСС. Все это были бои между Давидом и Голиафом; и в каждом случае меньший корабль победил. Линейные крейсеры Локателли, несмотря на их размеры, славу и престиж, не достигли абсолютно ничего.

Звездное Королевство не нуждалось в нескольких больших военных кораблях, как хотели Дапллэйк и Казенестро. Нужно было большее количество меньших кораблей, готовых окружать и подавлять любую военную силу, которая осмелилась нарушить гиперлимит.

Что было именно тем, что предлагал Брэкуотер все четырнадцать прошлых Т-лет.

И Адмиралтейство знало это. Это было достаточной причиной для них, чтобы попытаться отсечь Брэкуотера от важной информации. Достаточным мотивом, чтобы попытаться сдержать неизбежную волну истории, которая поворачивалась в пользу МПСС.

Но как перепрограммирование случайного навигационного спутника связано с большим заговором, Уинтерфолл не мог вообразить.

"Я посмотрю на это в любом случае," - сказал он Брэуотеру. "Насчет встречи Харвича...?"

"Позже," - сказал Брэкуотер, поворачиваясь к двери своего кабинета. Мысленно уже за миллион километров отсюда, как мог видеть Уинтерфолл. "Вы сказали, что искали что-то в правилах. Вы нашли это?"

"Да, милорд."

"Тогда свяжитесь с вашим избирателем," - сказал Брэкуотер. "Из вашего офиса. И будьте здесь через час."

"Да, милорд."

Уинтерфоллу на самом деле не нужно было возвращаться к себе в офис для этого. Но Волнорез приказал ему быть там, а в последнее время канцлер казался очень чувствительным к тому, чтобы его инструкции исполнялись буквально. И вот он пошел в свой кабинет.

И из уединения своего стола позвонил своей матери.

Она не отвечала до седьмого звонка. Обычно для нее, по недавнему опыту Уинтерфолла. Вероятно, занимается своими собаками, как обычно, но не в разгар какого-то кризиса, который не позволил бы ей ответить вообще. Наконец она ответила. "Привет, Гэвин," - голос Мелисанды Веллакотт Лонг донесся из уни-линка Уинтерфолла. "Я не ожидала, что ты позвонишь во время обеда."

"Привет, мама," - сказал Уинтерфолл. "Твоего обеда или собачьего?"

"Собак, конечно," - сказала она, словно удивляясь, почему он даже спрашивает. "Я никогда не ем так рано. Ты нашел то правило, о котором я просила?"

"Да," - подтвердил он. "Ты помнила его правильно."

"Значит, я могу проводить размножение in vitro, как и обычно? Замечательно. Где это было похоронено?"

"На самом деле это не было похоронено," - сказал Уинтерфолл. "Это было частью общего землепользования Лэндинга. И в нем конкретно не упоминаются собаки, домашние животные или in vitro, поэтому твой поиск не смог его найти."

"Ну, хорошо," - сказала Мелисанда. "Теперь я могу сбросить этого бюрократа со своей спины. Ты пошлешь мне ссылку, не так ли?"

"Уже послал," - сказал Уинтерфолл. "Кстати, я хотел спросить. В последнее время ты говорила с Трэвисом?"

"Нет. А почему я должна?"

"Я просто подумал, что ты могла," - сказал Уинтерфолл, слегка сбившись из-за небрежности ее отрицания. "Сегодня днем была какая-то паника. Я подумал, что ты могла видеть новости и проверить, все ли в порядке с Трэвисом."

"Я не смотрю новости так поздно днем," - сказала Мелисанда чопорно. "Если бы была проблема с Трэвисом, я уверен, что ты бы позвонил."

Уинтерфолл нахмурился. "Мама... когда ты последний раз говорила с Трэвисом?"

"Я не знаю," - сказала она тем же равнодушным тоном. "Я должна идти - у Миглс снова проблемы с ее губами."

"Подожди," - сказал Уинтерфолл. "Три недели назад - после битвы - ты даже не позвонила ему тогда?"

"Он не позвонил мне," - сказала Мелисанда. "Почему я должна звонить ему?"

"Потому, что он мог погибнуть?"

"Если бы он погиб, ты бы позвонил," - снова сказала Мелисанда. "И мне в самом деле надо идти. Спасибо тебе за звонок. Поговорим позже." Не ожидая ответа она отключилась.

Уинтерфолл посмотрел на свой уни-линк. Если он погиб, ты бы позвонил? Что это за чертов комментарий?

Комментарий женщины, которой наплевать на своего младшего сына.

Уинтерфолл медленно опустил руку на стол, и его охватило мрачное чувство. Несколько лет назад, во время одной из их нечастых встреч, Трэвис пытался рассказать своему старшему сводному брату о растущем расколе между ним и их матерью. В то время Уинтерфолл был слишком занят, чтобы всерьез задуматься об этом, и, недолго думая, он решил, что это преувеличение разочарованного подростка.

Ясно, что ситуация стала хуже.

Возможно, патологически хуже. Он подумал, не надо ли поговорить с ней о каком-то лечении, или хотя бы уговорить посетить консультанта. Быть равнодушной к Трэвису - это одно; если неважно, жив он или умер, это на порядок хуже.

Уинтерфолл поморщился. Не то чтобы он сам был образцом в этом. На протяжении многих лет он снова и снова упускал шанс встретиться или даже созвониться со своим братом. Три недели назад, осознав, что в Звездное Королевство вторглись и что Трэвису угрожает смерть, он увидел ужасную глупость своего пренебрежения и поклялся не пропускать такие возможности.

Теперь, три недели спустя, он все еще не выбрал время, чтобы даже пообедать вместе.

Он выругался себе под нос. Ну, это изменится. Это изменится прямо сейчас. Он снова поднял свой уни-линк...

Тот зазвонил прежде, чем он успел набрать номер.

Он стиснул зубы. Брэкуотер. "Да, милорд?"

"Вы видели последнее объявление короля?" - спросил канцлер.

"Нет, милорд," - сказал Уинтерфолл, нахмурившись и включая свой компьютер. Дворцовые объявления… вот они. "Вы имеете в виду поминальную службу и панихиду по павшим в следующем месяце?"

"Читайте дальше," - сухо сказал Брэкуотер. "Часть о монарших благодарностях ранее в тот же день".

Уинтерфолл просмотрел объявление. Старшие офицеры каждого из кораблей, принимавших участие в битве, приглашались на борт королевской яхты Саманта и отправлялись в частное владение Винтонов на остров Тритон на обед с возвращением в Лэндинг ко времени поминальной службы. "Кажется хороший жест," - сказал он, думая, что тут видит Брэкуотер, чего он сам не видит.

"Смотрите глубже," - прорычал Брэкуотер. "Приглашены старшие офицеры флота. Нет упоминания об Овне и Тельце."

Уинтерфолл еще раз посмотрел на объявление. Канцлер был прав: два корабля МПСС конкретно не упоминались.

С другой стороны, они не были специально исключены. Вероятно, Брэкуотер читал в объявлении больше, чем там было на самом деле.

"Я уверен, что это просто недосмотр, милорд," - сказал Уинтерфолл, выбрав наиболее дипломатичный подход к проблеме. "Если хотите, я могу позвонить во дворец и уточнить."

"Сделайте это," - сказал Брэкуотер. "Дайте ясно понять, что МПСС сыграла огромную роль в битве, и мы не оставим это вне общественного сознания. Нравится это Дапллэйку или нет."

"Да, милорд."

"А когда закончите, приходите сюда," - продолжил канцлер. "Я хочу услышать, что Харвич и Актон сказали друг другу."

http://tl.rulate.ru/book/32566/705986